

ГЛУБИНА РЕЗКОСТИ

ПРАВДА ИМЕЕТ ЦЕНУ.
МОЛЧАНИЕ —
ТОЖЕ.

ТАЙНЫЙ ФОНД
ОПЛАТА ЗА КАЖДУЮ
«ОПТИМИЗАЦИЮ»

БЫТОВАЯ ДРАМА НА ГРАНИ ТРИЛЛЕРА
КАКОВА ЦЕНА ПРАВДЫ И МОЖНО ЛИ ОСТАТЬСЯ ЧИСТЫМ,
ДЫША ВОЗДУХОМ, КУПЛЕННЫМ ЧУЖИМ ПОСЛЕДНИМ ВЗДОХОМ?

18+

Эмиль Бланк
Глубина резкости

«Автор»

2026

Бланк Э.

Глубина резкости / Э. Бланк — «Автор», 2026

Идеальный муж, дочь, уютный дом. Пока жена не находит на ноутбуке видео, где её муж, заведующий хосписом спокойно вводит смертельную дозу пациентке. Сто сорок семь файлов. Тайный фонд, оплата за каждую «оптимизацию». Деньги на которые построена их жизнь. Теперь она знает всё. Сдать убийцу и разрушить семью и судьбу дочери, или молчать и стать соучастницей? Бытовая драма на грани триллера: какова цена правды и можно ли остаться чистым, дыша воздухом, купленным чужим последним вздохом?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Эмиль Бланк

Глубина резкости

Глава

Глава 1. Фокус

Мой муж убил человека во вторник. Я увидела это в четверг, когда его ноутбук остался незаблокированным на кухонном столе, среди крошек от детского печенья. Видеофайл назывался «Акт_072». Никакой маскировки. Он просто забыл закрыть вкладку, уверенный, что я никогда не полезу в его рабочий мусор. Но запах его одеколona на моей подушке уже неделю был чужим, и я полезла. На экране — палата, залитая искусственным солнцем ламп. Сергей, мой Серёжа, в синем хирургическом костюме, спокойно набирает прозрачную жидкость в шприц. Пациент — старуха с восковым лицом, подключённая к аппарату ИВЛ. Слышен его голос, будничным, как когда он просит передать соль: «Сейчас станет легче, Вера Павловна. Глубоко не дышите, вы всё равно на аппарате». Укол в катетер. Через три минуты прямая линия на мониторе. Сергей смотрит на часы, записывает время, протирает руки антисептиком. Ни тени сомнения. Я пересмотрела трижды. Не чтобы убедиться — чтобы дать ярости оформиться. Он пришёл домой в семь, поцеловал меня в висок, спросил, как прошёл день у Даши в школе. Я ответила: «Нормально, домашку по математике сделали». У меня не дрогнул голос. Потому что к тому моменту я уже знала: тот, кто сидит напротив меня с ложкой супа — не мой муж. Это некто, кого я изучала пятнадцать лет и не видела. Это Эреб в человеческой коже, и я только что заглянула в его досье. Ночью, когда он уснул, я проверила облачное хранилище с его телефона. Там была папка «Протоколы С.». Сто сорок семь файлов. Сто сорок семь актов.

Глава 2. Диафрагма

Я начала собирать его заново, как пазл, где каждая деталь прежде лежала не той стороной. Сергей Борисович, заведующий отделением паллиативной помощи. Врач от Бога, говорят коллеги. На доске почёта в холле хосписа его фото — усталое, с лёгкой улыбкой. «Спасибо, что подарили маме лёгкий уход», — пишут родственники в книге отзывов. Я читала их раньше с гордостью. Теперь каждое слово звучит как шифр. Днём я приехала к нему на работу без предупреждения. Пропуск ещё действовал. Прошла в ординаторскую, пока он был на обходе. В ящике стола — ампулы с морфином, кетамин, мидазолам. И папка с грифом «Для служебного пользования». Внутри — список пациентов, напротив каждого — дата поступления и предполагаемая дата «курации». Никакого медицинского термина, просто слово. В графе «фактическая дата» почти всегда стояла другая. Более ранняя. Разница — дни, иногда часы. Я сфотографировала всё, чувствуя, как пищевод сжимается в шнур. Дома ждали обычные дела: Даша разбила коленку, нужно было заполнить анкету для летнего лагеря, в холодильнике прокис йогурт. Я делала всё на автомате, прокручивая в голове вопрос: кто устанавливал эти сроки? Кто решал, что Вера Павловна уйдёт не через месяц, а во вторник? В протоколах не было подписи главврача. Зато имелась пометка «Рекомендовано К.» — и номер мобильного, не из корпоративной сети. Я позвонила с таксофона у супермаркета. Ответил мужской голос, молодой, с оттенком нетерпения: «Да?». Я молчала. «Сергей, ты? Опять с одноразового? Слушай, по пятому объекту давай завтра, там родня начала шевелиться, юристом пахнет. Подвинем на неделю, сам понимаешь — меньше вопросов». Я сбросила. Значит, они «двигают» даты. Значит, это не хаотичное «милосердие» уставшего врача. Это система с логистикой, с оглядкой на юристов. Бизнес по сокращению биологического актива. Мой муж — не убийца из сострадания. Он — менеджер по терминации с гибким графиком.

Глава 3. Экспозиция

Вернувшись, я разогрела ему ужин — гуляш с гречкой, его любимое. Он ел и рассказывал, что в хоспис привезли нового мальчика, одиннадцать лет, нейробластома, родители отказываются верить. «Самый тяжёлый случай, — говорил он, и в глазах стояла искренняя печаль. — Никаких шансов, а они таскают его по химиям, продлевают агонию. Не понимают, что важнее — качество последних недель». Я смотрела на него и впервые за пятнадцать лет не узнавала мимику. Печаль была настоящей. Только причина её была не в жалости к мальчику, а в том, что случай «тяжёлый» для планирования. Родители мешают, юристы, шум. Объект неудобный. Я не выдержала. Разговор случился на кухне в два часа ночи, когда дом затих и даже холодильник перестал гудеть. Я достала его ноутбук, открыла то самое видео и поставила на паузу в момент ввода препарата. «Расскажи мне про Веру Павловну», — сказала я, глядя ему в переносицу, как учили на курсах по управлению конфликтами. Он не вздрогнул. Только кадык дёрнулся, словно проглотил осколок. «Ты не понимаешь, Ань. Ты не видела её болей. Кричала сутками, морфин уже не брал. Я дал ей то, о чём она просила — тишину». «Ты дал ей тишину до того, как её спросили», — сказала я. «Она была в коме! Кто бы спрашивал?» Его голос набрал обороты. В нём звенела сталь. Не защита — нападение. «Ты сидишь в тёплой кухне и судишь. А я там каждый день нюхаю некроз. У нас нет права держать их гниющими ради чьего-то душевного комфорта». Я задала только один вопрос: «Сколько тебе платят за сдвиг даты?» Он замолчал. На целых девять секунд. Потом улыбнулся — так улыбается человек, который понял, что игра перешла в открытый эндшпиль. «Ты же умная, — произнёс он. — Сама посчитай. Даша ходит в частную гимназию. Ипотека закрыта досрочно. Твоя мама в швейцарской клинике Откуда, думаешь, это всё? Я не беру взяток. Я просто ускоряю неизбежное, и люди благодарны. А К. — это фонд. Частный фонд оптимизации ресурсов здравоохранения. Они платят врачам, которые не боятся ответственности. За каждое освободившееся койко-место, за каждый сэкономленный бюджетный миллион. Только и всего». Я вышла из кухни с чувством, что пол подо мной стал жидким. Моя дочь рисует пони на бумаге, купленной на деньги, полученные от досрочного ухода Веры Павловны. Моя мать дышит альпийским воздухом благодаря тому, что какой-то мальчик с нейробластомой может не дожить до следующей среды, если того потребует «оптимизация». И мой муж стоит в центре этого механизма, спокойный, как коллиматорный прицел. Утром я нашла в кармане его ветровки второй телефон — крохотный, «одноразовый», без контактов, только журнал вызовов. Последний входящий был вчера: «Объект 5 — задержка. Юристы активны. Ждём отмашки К.». Я скопировала номер. Записала разговор на диктофон, когда он говорил про фонд. Теперь у меня есть его личное досье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.